

Су Янь покорно продолжал играть роль марионетки, позволяя вести себя от гостя к гостю. Маркиз Пинъюань не был широко знаком, но приглашения разослал всем, и важные персоны, разумеется, не преминули явиться, вручая подарки и расточая изысканные поздравления.

В день свадьбы жених не ехал за невестой — вместо него отправляли сваху. Обед устраивали в доме невесты, и лишь после всех обрядов, когда невесту наряжали и наносили макияж, её брат вносил её в паланкин, и процессия с музыкой и песнями двигалась к дому жениха.

Управляющий в тот день сиял от счастья. Он вбежал во двор и, остановившись перед Су Янем, радостно возвестил:

— Молодой господин, паланкин вашей невесты уже близко! Пожалуйста к воротам встречать!

Су Янь отозвался, но, сделав шаг, вдруг почувствовал, что на нём чего-то не хватает. Он ощупал пояс и вспомнил о мешочке. Привыкнув носить его с собой, он счёл, что в такой важный день без него и вовсе неловко.

На то, чтобы сбегать за мешочком, ушло время, и когда Су Янь подбежал к воротам, Су Чжи неодобрительно на него посмотрел. Тот сделал вид, что не замечает, поправил одежду и увидел в конце улицы сваху и музыкантов, возглавлявших процессию.

Паланкин внесли во двор под звуки музыки и хлопушки.

Су Янь ждал у входа, пока сваха не вывела Ли Жун. По обычаю ему следовало отойти в сторону до начала церемонии, но он не удержался и протянул руку девушке под красной фатой. Все вокруг замерли, и лишь сваха первая опомнилась и весело воскликнула:

— Молодой господин, какой вы внимательный!

Рука Ли Жун была холодной и мягкой, словно кусок нефрита, лишённый земного тепла. Су Янь повёл её в дом, краем глаза заметив недовольное выражение отца. Он поспешно изобразил нежную улыбку и, как подобает заботливому супругу, помог Ли Жун переступить через огненную жаровню и деревянное седло, проводив её таким образом до самого свадебного зала.

Три поклона Небу и Земле, девять поклонов родителям, поклон друг другу... Когда все сложные церемонии наконец завершились, солнце уже клонилось к закату.

После того как молодожёнов проводили в брачные покои, Су Янь посидел совсем недолго, и сваха вежливо выпроводила его. Он не стал спешить к гостям, а присел на парапет в галерее, глядя на пышную сливу, и тихо вздохнул.

Отныне он будет жить в восточном флигеле. В один из самых важных моментов жизни Су Янь ни с того ни с сего вспомнил двоих. Он теребил золотую вышивку на рукаве свадебного халата и рассеянно подумал: «Если бы А Цзинь был жив, наверное, тоже женился бы. С ним, пожалуй, было бы о чём посоветоваться... А Цичэнь сегодня не пришёл. Неужели, получив приглашение, не захотел явиться?»

Но размышлять ему не дали. Вскоре слуга, не найдя его среди гостей, отыскал его в галерее. Тишине конец. Су Яню пришлось следовать в главный зал и обмениваться любезностями со всеми подряд.

— А Янь, сюда!

Су Янь только что осушил бокал за одним столом, как услышал голос Се Хуэя.

За тем столом сидели армейские знакомые, и одно место было пусто. Су Янь без труда догадался, для кого. Он перекинулся парой слов с Се Хуэем и остальными, выпил три чарки подряд с Шэнь Чэнцзюнем, как вдруг со стороны ворот поднялся шум.

Слуга, встречавший гостей, радостно возвестил на весь двор:

— Его высочество Шестой принц прислал в дар пару нефритовых скипетров Жуи в честь свадьбы молодого господина!

Лицо Су Яня, только что смягчившееся, вдруг окаменело. Се Хуэй проследил за его взглядом и увидел, как Тянью, телохранитель из Тайной стражи Сяо Цичэня, степенно несёт лаковую шкатулку из красного сандала. На нём был длинный халат, совсем не похожий на его обычную практичную одежду, и он резко выделялся среди празднично одетых гостей.

Тянью остановился перед Су Янем и, словно обученный попугай, чётко и механично произнёс:

— Его высочество нездоров и не может лично разделить вашу радость, потому повелел передать: в столь счастливый день молодой маркиз должен быть весел. Скипетры Жуи из нефрита были пожалованы императором госпоже Жунхуа много лет назад, дабы приумножить счастье и благополучие. Его высочество, высоко ценя вас, долго выбирал в Чертоге Чэнлань и не нашёл подарка значимее. Надеюсь, молодой маркиз не сочтёт это неуместным.

Су Янь с трудом выдавил улыбку:

— Как можно... А Чэнь... Его высочество... что с ним?

Тянью ответил:

— После начала осени простудился. Его высочество не отличается крепким здоровьем, и даже лёгкий недуг затягивается надолго. Придворный лекарь выписал рецепт и велел беречься от ветра. Поскольку к ночи ожидается дождь, его высочество не смог прибыть и поручил мне принести извинения молодому маркизу и великому генералу.

В отличие от Тяньхуэя, он говорил всегда чётко и сухо, и, не будь его слова столь учтивы, можно было подумать, что он явился не с поздравлениями, а с претензиями.

Су Янь кивнул, лично принял шкатулку, даже не открыв её, и сказал Тянью:

— Благодарю за труды. Не выпьете ли чару за его высочество?

Тянью ответил:

— Благодарю, молодой маркиз.

Затем он взял пустую чарку, позволил Су Яню наполнить её, легко стукнулся о его бокал и осушил одним глотком. Опрокинув чарку, Тянью тотчас сложил руки в приветствии:

— Свадебное вино испробовано, мне пора возвращаться во дворец с докладом. Желаю молодому маркизу и его супруге взаимного уважения и долгой совместной жизни.

Он исчез столь же стремительно, как осенний ветер, не вызвав особого переполоха, но принеся с собой запах дождя.

Су Янь, держа шкатулку, поднял голову и посмотрел на небо.

Перед церемонией на горизонте мелькнула золотая полоса, солнце клонилось к закату, и казалось, будет ясно. Но теперь небо затянуло, звёзды и луна скрылись, а в воздухе запахло сыростью.

Прошло полчаса, гости изрядно захмелели. Су Янь огляделся, убедился, что никто на него не смотрит, и тихо покинул пир. Он побродил по двору, но в конце концов вернулся в восточный флигель.

Ли Жун не сидела на краю кровати под фатой, а стояла у стола и беззастенчиво уплетала сладкий картофель и арахис. Услышав скрип двери, она в панике схватила лежавшую рядом фату и бросилась к ложу.

— Не надо, — мягко остановил её Су Янь. — Ты и так весь день устала, ешь сколько хочешь. Может, лапши? Велю на кухне приготовить янчуньянь.

Ли Жун, очистив арахис, быстро сунула его в рот и покачала головой. Она, похоже, изрядно проголодалась и, получив разрешение, вовсе распоясалась: села и даже похлопала по стулу рядом:

— Садись тоже. Говорят, ты весь вечер только пил. Пить на голодный желудок — наутро живот заболит.

Су Янь послушно сел. Больше они не обменялись ни словом. Ли Жун ела финики, арахис и лилии — закуски, сулящие счастье, — а он просто сидел и смотрел на неё.

То, как она ела, напомнило Су Яню Сяо Цичэня.

Он усмехнулся своей нелепой мысли и мысленно себя отчитал: «Как можно? Они же совсем разные. Такое сравнение — оскорбление для обоих».

Вероятно, из-за его молчания Ли Жун расслабилась и сама завела разговор:

— Теперь они все будут звать меня «молодой госпожой»? Звучит как-то старомодно.

Ей было всего семнадцать, меньше, чем ему. Су Янь подумал об этом и спросил:

— А как бы ты хотела?

Ли Жун подумала и ответила:

— Пусть зовут Жуннян. Мама говорила, что «госпожой» можно называться только после рождения ребёнка.

Су Янь усмехнулся, но промолчал. Он встал, снял красный свадебный халат и повесил его на вешалку. Красный цвет резал глаза, да и свет свечей колебался, создавая смутную, двусмысленную атмосферу.

Ли Жун, всё ещё сидевшая на стуле с кусочком сушёного картофеля в руке, заметно сжалась, увидев, как он раздевается. Су Янь, глядя сквозь резное окно на потемневшее небо, почувствовал: запах сырости усиливается. Он вернулся, прикрыл дверь, сел на край кровати и принялся стаскивать сапоги.

Развязывая пояс, он поднял голову и увидел, что Ли Жун всё ещё стоит на месте, а подол её красного платья волочится по полу. Макияж её был безупречен, а золотая наклейка-хуадянь под глазом напоминала слезинку. При свете свечей её отблеск мелькнул в глазах Су Яня, и он на миг отключился.

Движения его замедлились, и он, сам не свой, спросил:

— Я спать ложусь. А ты?

Слова, лишённые всякой угрозы, подействовали на Ли Жун как удар током. Она торопливо задула свечи и принялась, позванивая, снимать украшения.

В темноте Су Янь уловил лёгкий аромат — не цветочный, а какой-то иной. Ли Жун присела рядом, пальцы её дрожали, но она изо всех сил старалась сохранять спокойствие, развязывая его одежду.

За окном зашуршал дождь, мягко стуча по ещё не облетевшим листьям.

«Вероятно, последний осенний дождь», — подумала Люй-и, услышав, как дождь усиливается, и поспешила распорядиться закрыть окна и двери.

<http://bllate.org/book/15940/1425125>